

ДИСКУССИЯ

УДК 94(47).03/031

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.783-806

ЗАМЕЧАНИЯ И ДОБАВЛЕНИЯ К КОММЕНТАРИЯМ ЯРЛЫКА, ВЫДАННОГО ФРАНЦИСКАНЦАМ ХАНОМ УЗБЕКОМ В 1314 ГОДУ

Ю.В. Сочнев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Нижний Новгород, Российская Федерация
sochnevjobmail@yandex.ru*

Цель: исследование сведений и материалов, позволяющих определить действительных получателей тарханских пожалований и авторов предшествующих актов, которые упоминаются в ярлыке хана Узбека от 20 марта 1314 г.

Материалы исследования: комплекс западноевропейских, персидских, монгольских, китайских, византийских, русских письменных исторических источников, характеризующих профессиональную ситуацию, ход миссионерского дела, а также политическую конъюнктуру в Монгольской империи и Золотой Орде.

Результаты и научная новизна: статья продолжает направление исследований, обращенных к изучению ярлыка золотоордынского хана Узбека (1312/13–1341), выданного францисканцам Золотой Орды 20 марта 1314 года. Данный акт появился как результат развития предшествующих успехов католической миссионерской деятельности в Китае и в восточных областях Монгольской империи. Энергичные усилия Джованни Монтекорвино и его соратников в Пекине привели к тому, что Великий каан (император) Кулук (1307–1311), по-видимому, первым выдал тарханский акт католическим миссионерам. Его преемник на императорском престоле Великий каан Буянту (1311–1320), по всей вероятности, подтвердил предоставленные старшим братом католикам привилегии в период с 1311 по 1314 год. Выдачи нового ярлыка от хана Узбека, оформившего свободу действий в Поволжско-Причерноморских степях, добились францисканские проповедники 20 марта 1314 года. Этому способствовало развитие общеимперской политической ситуации в Монгольской империи, приведшее к формальному оформлению вассальной зависимости золотоордынских правителей от Великих каанов.

В статье обосновывается новый вывод об адресатах пожалования изучаемого ярлыка, каковыми следует считать непосредственно францисканских миссионеров. Территориально предоставленные золотоордынским правителем тарханские привилегии действовали в кочевьях и селениях непосредственно Золотой Орды, и не относились к христианским вассальным территориям в западной части ордынского государства. Это обстоятельство не позволяет поддерживать высказанное ранее мнение, что получателем ярлыка являлся епископ г. Каффы.

Ключевые слова: Улус Джучи, профессиональная ситуация в Золотой Орде, проповедь христианства, католические миссионеры, ханские ярлыки, вассальная зависимость сарайских ханов

Для цитирования: Сочнев Ю.В. Замечания и добавления к комментариям ярлыка, выданного францисканцам ханом Узбеком в 1314 году // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 4. С. 783–806. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.783-806

**NOTES AND ADDITIONS TO THE COMMENTS ON THE YARLIK
GRANTED BY UZBEK KHAN TO THE FRANCISCANS IN 1314**

Yu.V. Sochnev

*Higher School of Economics National Research University
Nizhny Novgorod, Russian Federation
sochnevjobmail@yandex.ru*

Abstract: *Research objectives:* To study the information and materials that allow us to determine the actual recipients of Tarkhan awards and the authors of previous acts who are mentioned in the yarlik of Uzbek Khan dated to March 20, 1314.

Research materials: A combination of Western European, Persian, Mongolian, Chinese, Byzantine, Russian written historical sources characterizing the confessional situation, the course of missionary work, and the political situation in the Mongol Empire and the Golden Horde.

Results and novelty of the research: The article continues in the direction of research established already for studying the yarlyk of Uzbek Khan (1312/13–1341) granted to the Franciscans of the Golden Horde on March 20, 1314. The data analysis of this act should be based on conclusions about the success of the previous Catholic missionary activity in China and the Eastern regions of the Mongol Empire. The vigorous efforts of John of Montecorvino and his fellows in Beijing had apparently been the reason behind the Great Khagan (Emperor) Kuluk (1307–1311) being the first to grant a Tarkhan act to the Catholic missionaries. His successor on the imperial throne, Buyantu (1311–1320), mostly likely confirmed, during the period from 1311 to 1314, the privileges granted to the Catholics by his senior brother. These acts were the precedents for similar decisions of the rulers of the Mongol Ulus. And on March 20, 1314, the Franciscan preachers had the achievement of receiving a new yarlyk from Uzbek Khan who granted freedom of activity in the Volga-Black Sea steppes. This was facilitated by the development of the general imperial political situation in the Mongol Empire which led to the formal establishment of the vassal dependence of the Golden Horde rulers on the Great Khagans of the Yuan.

The article substantiates the new findings about the recipients of this yarlyk who are considered naturally to be the Franciscan missionaries. But without any additional information at present, it is impossible to establish exactly who belonged to their circle. Geographically the Tarkhan privileges granted by the Golden Horde ruler extended to nomadic camps and villages belonging directly to the Golden Horde; they didn't belong to the Christian vassal territories in the Western part of the Golden Horde state. This circumstance does not allow us to support the opinion expressed earlier that the recipient of the yarlyk was the bishop of Kaffa. The Latin translation of the yarlik of Uzbek Khan of 1314, which has reached us, is an interesting source and analysis of it will help to develop various aspects of the study of the Golden Horde's history.

Keywords: Ulus of Jochi, religious situation in the Golden Horde, preaching Christianity, Catholic missionaries, Khan yarliks, vassalage of Sarai Khans

For citation: Sochnev Yu.V. Notes and Additions to the Comments on the Yarlik Granted by Uzbek Khan to the Franciscans in 1314. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 4, pp. 783–806. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.783-806

Практически каждый исследователь, обратившийся к изучению истории Золотой Орды в разных ее направлениях, сталкивается с недостатком досто-

верной информации. Имеющиеся в его распоряжении источники, как правило, позднего происхождения, да к тому же очень часто малоинформативны и противоречивы. Поэтому поиск и привлечение дополнительных исторических источников является весьма актуальной задачей.

В журнале «Золотоордынское обозрение» (2014. №3(5)) был опубликован латинский текст, русский перевод и комментарии к ярлыку золотоордынского хана Узбека (1312/13–1341), выданного францисканским миссионером 20 марта 1314 года. Автором данной публикации является Роман Хаутала. Из его разъяснений видно, что оригинал ярлыка не сохранился, но настоящий ярлык был переведен на латинский язык, и впоследствии этот перевод был скопирован анонимным британским переписчиком первой половины XIV века. В 1924 г. Артур Кристофер Моуль осуществил первое издание копии ярлыка, найденного в библиотеке университета Кембриджа, снабженной предисловием Михаэля Биля. Текст ярлыка Узбек-хана никогда не переводился на современные языки. По этой причине содержание ярлыка было известно только узкому кругу специалистов по истории католического миссионерства в Монгольской империи. Отечественные специалисты по истории Золотой Орды, включая и исследователей джучидской официальной документации, не знали о существовании этого важного акта до дня его публикации на страницах «Золотоордынского обозрения» [21, с. 31–48].

Русский перевод

«Начинается письмо императора тартар, предоставленное братьям, и их протекция, дословно переведенная с тартарского на латинский.

Силою вечного Бога и при полном одобрении великого божественного величества, мы, Узбек, вручаем эти наши слова: Обладающие этой привилегией латинские священники, которые зовут себя по собственному обыкновению меньшими братьями, дабы, именно, шествовали они с безмятежной душой, молясь Богу, верша благословение; привилегию, которую предоставил Кулук, наш родоначальник, как и его преемник, наш старший брат, император, мы также теперь даем в соответствии с теми же условиями; то есть привилегию, чтобы моля Бога, рабы Христа, указанные латинские священники, ходили, преподавая многим христианский закон. Дабы абсолютно никакой посланец, направляющийся для переписи армии, не уводил поименно у них войска и не брал в свое распоряжение средств передвижения или что-нибудь другое, что нанесло бы им ущерб; и дабы чиновники налогов и податей не получали или требовали от них ни подати, ни сбора и не касались чего-либо из их имущества. Дабы никто им не чинил насилия или притеснения, разрушая церковь или уничтожая их дома или местопребывания; но чтобы, сооружая церковь или колокола, они управляли людьми христианского закона, и дабы выходили к нам, чтобы донести о причинах прибытия [этих людей] издали или из близости и сделать нам же письменный отчет; каким же образом мы им будем благоволить в милостях, мы узнаем: эта привилегия [дана] в год барса, в третий месяц, в четвертый день месяца возле шафранового тростника» [21, с. 36].

Следует отметить, что подготовка русского перевода данного ярлыка и осуществление её публикации, обеспечивающей введение в научный оборот

новой исторической информации, является несомненной научной заслугой Романа Хаутала. Спектр применения новых исторических данных, относящихся к истории Золотой Орды, весьма широк, что, несомненно, стимулирует творческую активность исследователей. Чтобы этот процесс был динамичным и максимально результативным, необходимо иметь выверенные, определенные и действительные характеристики исторической информации, содержащейся в источнике. Обычно это осуществляется с помощью прилагаемых к публикуемому документу комментариев. Имеются они и в рассматриваемой публикации. Однако предложенные автором трактовки и методы их обоснования, а в итоге некоторые выводы, не представляются вполне убедительными. Понятно, что изучение вновь вводимого в научный оборот документа еще только началось, и ожидать окончательных результатов пока не приходится.

Целью данной статьи является формулирование и предложение иного варианта объяснения получателей пожалования и авторства предшествующих актов, на которые опирался ярлык хана Узбека 1314 г.

Романа Хаутала пишет: «Согласно содержанию документа, получателями ярлыка были «латинские священники, которые зовут себя по собственному обыкновению меньшими братьями», без уточнения конкретного имени получателя привилегий. С другой стороны, ханское позволение «управлять людьми христианского закона» предполагает, что фактическим реципиентом ярлыка был один из руководителей францисканцев в Золотой Орде. В связи с этим мы можем предположить, что Узбек предоставил ярлык первому францисканскому прелату Крыма, то есть Иерониму из Каталонии» [21, с. 32–33]. Знакомство с материалами, характеризующими деятельность католических миссионеров в золотоордынских владениях, заставляет усомниться в высказанном предположении.

Возникшие в начале XIII в. доминиканский и францисканский ордена являлись важнейшими структурами в системе римской церкви, которым были вверены ответственные задачи. Доминиканцам папами было поручено руководить инквизицией, и на оба ордена возложен гласный и негласный надзор за мирянами и клириками. Для нашей темы особенно существенно, что оба ордена получили монопольное право на распространение христианской веры *in partibus infidelium* (в стане неверных). Формально и практически именно эти духовные объединения осуществляли организацию католического проникновения во все нехристианские страны. Периодически доминиканцы и францисканцы исполняли обязанности послов христианских королей и римских пап к различным восточным властителям. В этом качестве они вскоре после завоевания Восточной Европы монголами появились в Сарае и Каракоруме. Установившаяся стабильность на транспортных путях, а также система почтовых ямов облегчали проникновение в отдаленные Монголию и Китай. Монахов-миссионеров влекли в странствия и другие цели. Главнейшая среди них – приобщение к римской церкви народов и стран не католического мира. И, разумеется, не только ради спасения душ заблудших сарацинов, язычников и схизматиков. Папская курия в полном соответствии с оформившимися еще в предыдущие века теократическими идеями стремилась распространить свое господство не только в Западной Европе, но и в пределах всего земного мира [24, с. 37].

Отправляя в Монгольскую империю францисканские и доминиканские миссии, папы рассчитывали получить весомые политические преимущества. Их интересовали не столько подданные монгольских ханов, а в большей степени сами ханы. Обращение их в «истинную» веру могло открыть перед папским престолом соблазнительные перспективы. Согласно европейским политико-религиозным представлениям монгольский властитель, приобщенный к католицизму, становился вассалом Рима. Имперские и золотоордынские территории становились диоцезами римской церкви, умножалась паства, влияние, доходы, различные внешне и внутривосточные вопросы новообращенный правитель ориентировался решать на основе советов римских легатов. Помимо этой грандиозной политической программы, реализуемой далеко не всегда и не во всем эффективно, орденовые миссии выполняли различные иные задачи. Примеры Плано Карпини, Лонжюмо и Рубрука иллюстрируют, какие еще задания приходилось выполнять францисканским и доминиканским миссионерам в подчиненных монголам странах. Это уже в последующие века их труды и отчеты будут оценены как выдающийся вклад в развитие географических, исторических и в целом научных знаний. А в XIII–XIV вв. информация, собранная этими миссионерами, представляла для папской курии в первую очередь практический интерес, поскольку на её основе осуществлялась организация, расширение и корректировка миссионерско-дипломатической деятельности. Еще большую ценность она имела для генуэзских и венецианских купцов, с которыми римский престол имел тесные политические, и экономические связи. Сведения Плано Карпини и Рубрука были для них драгоценным путеводным материалом, позволяющим организовать масштабную торговлю по главным транзитным магистралям восточного мира.

Размах миссионерской деятельности францисканцев наглядно показывает Я.М. Свет, приводя документ с перечнем народов, среди которых в 50-х годах XIII в. они вели свою работу. «В послании Александра IV всем миссионерам францисканского ордена (1258 г.) папа перечисляет эти народы в такой последовательности: сарацины, язычники, греки, болгары, куманы (половцы), эфиопы, сирийцы, иберы (мингрелы), аланы, газары (жители Крыма), готы, зикхи (черкесы и другие кавказские народности), рутены (русские, точнее обитатели Галицкой и Киевской Руси), грузины, нубийцы, несториане, яковиты, армяне, индийцы, момталиты (?), татары, венгерцы из Великой Венгрии (тюркские народы южнорусских степей), христианские пленники и турки. В этом списке этнографические и религиозные приметы спутаны самым невероятным образом и наряду с вполне реальными татарами и армянами фигурируют весьма сомнительные индийцы и эфиопы. Тем не менее послание Александра IV свидетельствует, что его адресаты были рассеяны на огромной территории и встретить их можно было и у нильских порогов, и в приволжских степях, и в самом сердце далекой Монголии» [24, прим. 37].

Для упорядочения и организации миссионерской деятельности весь монгольский Восток был разделен папством на 3 викариата – Аквилонский (Северный), Восточной Татарии, Татарии или Китая. В границы Аквилонского викариата входили 2 кустодии (округа) – Газария, к западу от реки Дона, охватывавшая Крымские, придунайские и приднепровские земли, к востоку – Сарайская, к которой относились Поволжские и Северо-Кавказские земли.

Викариат Восточной Татарии состоял из 3-х кустодий – Константинопольской, Трабзонской и Тебризской. Викариат Татарии или Китая включал весь Китай, Монголию и Среднюю Азию.

Согласно свидетельству 1336 г. францисканца Элемозины, Аквилонский викариат был основан в 1274 г. на основе решения Лионского собора. Следующие сообщения упоминают о посылке в его пределы множества миссионеров францисканцев в период генералитета Бонаграции (1279–1283), а в отчете 1286/87 гг. кустодия Газарии Владислава уже упоминаются пять основных католических монастырей [33, в. 2, pp. 125, 262, 444]. Следует подчеркнуть, что проникновение католических миссионеров на Восток шло параллельно с разворачиванием торговой деятельности генуэзцев и венецианцев при полной взаимной поддержке. Главным центром торговли генуэзцев в подвластных сарайским ханам землях была Кафа, являвшаяся и главной базой католических миссионеров. Апогей генуэзской торговли и влияния итальянцев в Золотой Орде пришелся на правление хана Узбека, поэтому и позиции католической церкви в это время здесь значительно усилились.

Католические ордена оставались главным рычагом деятельности римского миссионерства вплоть до XVI века. В золотоордынских степях применялись те же методы проникновения и организационно-акциональные принципы, что и в других странах. В сравнении с католическим клиром орденские миссионеры пользовались значительными привилегиями и льготами. В орденских монастырях создавались специальные школы для подготовки кадров проповедников. Здесь учили восточным языкам и давали знания о различных религиях и культурах Востока. Будущие миссионеры осваивали специальные методы работы среди местного населения, которые были достаточно гибкими. Ради главной цели им в нехристианских странах в нарушение орденских уставов разрешалось отпускать бороду, ходить в одежде местных жителей, держать при себе деньги на личные нужды, применять в случае необходимости оружие против неверных и ездить верхом [11, с. 101–105, 136–137; 33, в. 2, р. 416].

Интересным могло бы быть сравнение методов деятельности католических и православных миссионеров, но материалов для этого по периоду XIII–XIV вв. очень мало. Все же, по некоторым основаниям можно говорить, что католики были более гибкими и проявляли большую приспособляемость к местным условиям. Например, на один из вопросов сарайского епископа Феогноста: «Аще поп на рати человека убьет, лзе ли ему потом служити?», патриаршим собором был дан отрицательный ответ: «Се удержано есть святыми каноны» [22, стб. 138]. Можно вспомнить здесь и об отмеченном Гильомом де Рубруком негативном отношении к кумысу пленных русских, встреченных им в золотоордынских степях, сохранявшееся в сложных степных условиях благодаря православным священникам [19, с. 105, 107]. Из епитимийников XIII–XIV вв., которыми руководствовались русские священнослужители в своей каждодневной практике, видно, что русская церковь негативно относилась к контактам православных с язычниками, католиками, иудеями. Запрещалось есть и пить с ними, а в случае нарушения этого правила полагалась епитимия. Епитимия накладывалась и на побывавших в плену у поганых, т.е. в данном случае у ордынцев [25, с. 74, 120–123, 134]. По-

видимому, епитимии также подлежали князья и их окружение, после возвращения из Орды. Возможно, эта интересная тема в дальнейшем все же будет разработана.

Ну и самое главное для понимания получателя ярлыка 1314 г. – действующие в золотоордынских степях католические миссионеры подчинялись только генералам и приорам доминиканского и францисканского орденов, а кроме них Римскому папе. Местные клирики, даже архиепископы и епископы, не могли вмешиваться в дела миссионеров, напротив, им вменялось в обязанность оказывать им всяческое содействие [11, с. 101–103, 172–173; 33, v.1, p. 413–417]. Как следует из вышерассмотренного материала епископы г. Каффы, собственно говоря, не являлись руководителями францисканцев в Золотой Орде. Привлечение одного из положений анализируемого ярлыка, предоставляющее латинским миссионерам право «управлять людьми христианского закона», для обоснования предположения, что «фактическим реципиентом ярлыка был один из руководителей францисканцев в Золотой Орде», а именно епископ г. Каффы, также не помогает делу. История этой генуэзской колонии в Крыму достаточно хорошо изучена и неоднократно историки описывали действующую здесь систему духовного управления. Коротко напомним наиболее важные моменты, напрямую относящиеся к предмету нашего обсуждения.

Как и многие средневековые города, расположенные на пересечении стратегических торговых путей, Каффа была не только обширным, но и полиэтничным, поликонфессиональным городом. Вот как описывают состав ее населения Е.С. Зевакин и Н.А. Пенчко: «В этом городе проживали следующие национальности: греки, армяне, грузины, черкесы, поляки, валахи, русские и другие иностранцы; они и составляли большинство населения. Большинство состояло из генуэзцев, которых насчитывалось всего несколько тысяч. Общая численность населения к моменту падения Каффы составляла 70 000 человек» [6, с. 124]. Вскоре после образования города духовное управление над этим разнородным населением поделили три епископа – православный (греческий), в определенные периоды возводимый в ранг митрополита с кафедрой в Судаке и подчиненный Константинопольскому патриарху, армянский, имевший резиденцию в особом армянском квартале Каффы, и латинский, назначаемый Римским папой [10, с. 198; 29, с. 828]. О непростых отношениях христианских иерархов сохранились сведения в Статуте 1448/49 г., где зафиксировано, что католический епископ Каффы «тревожить, притеснять разноверцевъ и производить съ нихъ всякия вымогательства; последствиемъ можетъ быть обезлюдение города и его предместий». Причиной было желание католического епископа присвоить себе права, принадлежавшие иерархам грековъ и армянъ, а также «опустить руку на жатву чужой нации» (*in alterius nationis messum ponere manus*, § 358). Составитель Статута советует епископу воздержаться впредь от подобных действий; ему надлежит «довольствоваться исправлениемъ своей собственной паствы и утверждениемъ ея на пути справедливости и истинны». На консула, как главного управителя Каффы, и на его совет была возложена обязанность следить за соблюдением каждым границ его подсудности. Греки, армяне, евреи и другие иноверцы должны быть защищены от посягательств на присвоение имущества в случае

смерти без завещания, а также и от всяких других притеснений со стороны католического епископа (§ 359)» [10, с. 198; 6, с. 121].

Положения устава 1448/49 г., определявшие систему управления Каффы и ее взаимоотношения с метрополией, демонстрировали преемственность правил предыдущих уставов 1290, 1316, 1403/4 и 1434 годов [10, с. 202–203; 29, с. 827]. Это дает основание утверждать, что вышеприведенный пример, характеризующий компетенцию епископа Каффы в XV в., имел под собой историческую почву с самого начала города и возникновения епархиального управления в нем. Кстати, о начале этого церковного управления нет единого мнения у историков, и дата назначения первого епископа часто различается. Наиболее обоснованной представляется точка зрения, относящая возникновение Каффской епархии к 1318 г. [29, с. 827]. В этой связи, следует отметить, что приведенные в рассматриваемых комментариях к ярлыку 1314 г. первичные латинские сведения о Иерониме до этой даты имеют внутренние противоречия, которые не были объяснены. Поэтому отождествление католических иерархов с именем Иероним, упоминаемых в 1311 и 1316 годах, должно быть не только продекларировано, но и доказано¹.

Вышерассмотренная информация однозначно показывает, что епископы Каффы не могли управлять всеми людьми «христианского закона». В такой ситуации для выполнения миссионерских задач наиболее подходили орденские структуры, среди которых наиболее влиятельными были монастыри. Выше уже приводились сведения о католических монастырях в Газарии, т.е. в Крыму в 80-х годах XIII в. С 1316 г. начинают встречаться упоминания о доминиканских и францисканских монастырях непосредственно в Каффе [29, с. 827]. В XV в. минориты имели в Каффе два монастыря и две церкви, среди которых ключевую роль играла обитель Сан-Франческо. По мнению историков: «Этот монастырь являлся главным оплотом ордена в Крыму и отсюда отправлялись миссионеры на проповедь к соседним народам» [6, с. 121–122].

Для предмета нашего рассмотрения любопытна история взаимоотношений властей этого монастыря с епископом Каффы по вопросу контроля над церковью в Копе, важном торговом пункте генуэзцев в Черкесии на Западном Кавказе. Эта церковь была построена Антонио Итальяно для обслуживания сезонно проживавших здесь своих соотечественников, а также для распространения католичества среди горцев. Затем она была передана монастырю Сан-Франческо в Каффе, с обязательством обеспечивать её клиром. Однако по каким-то причинам эта обязанность монастырскими властями в течение некоторого времени не выполнялась, что привело к передаче храма 28 апреля 1467 г. консулом и массариями Каффы на основе приказа банка Сан Джорджо под управление епископа города. Это вызвало решительное противодействие недавно назначенного «викария ордена св. Франциска в Каффе и в местностях языческих» фра Джованни ди Менца. Викарий францисканцев в Крыму уже 29 января 1468 г. в Генуе добился отмены распоряжения, ущемлявшего интересы его ордена [6, с. 120–121]. Конкуренция меж-

¹ Впрочем, краткость и неопределенность информации о начальном периоде католического церковного управления в Крыму и Каффе, не позволяет полностью исключить Иеронима из числа лиц, причастных к получению ярлыка от Узбека в 1314 г. Но если его участие и допускать, то только не в статусе епископа Каффы.

ду францисканскими властями в Крыму и епископами Каффы из-за прав и прерогатив, связанных с распространением католичества, здесь совершенно очевидна. Надо полагать, что такое положение дел не являлось только проявлением исторической ситуации XV в., а было в целом характерной чертой миссионерской деятельности латинян в золотоордынских владениях.

Подводя промежуточный итог рассмотренному материалу констатируем, что адресатом пожалования в ярлыке Узбека 1314 г. «Обладающие этой привилегией латинские священники, которые зовут себя по собственному обыновению меньшими братьями», являлись непосредственно францисканские миссионеры. Кто входил в их круг, сейчас без дополнительной информации установить невозможно. Предоставленные золотоордынским правителем тарханные привилегии действовали в кочевьях и селениях непосредственно на территории Золотой Орды, и не относились к вассальным территориям, которые в западной части ордынского государства были преимущественно христианскими. На это указывает и еще одна часть ярлыка, содержащая конкретизацию предоставленных прав и обязанностей: «но чтобы, сооружая церковь или колокола, они управляли людьми христианского закона...».

Для правильного понимания и характеристики этой информации нужно представить реальную конфессиональную ситуацию в ордынских степях и складывавшуюся систему управления христианскими народами. Эта система базировалась на традиционном принципе широкой веротерпимости, что, собственно говоря, и позволяло активно действовать в золотоордынских владениях христианским миссионерам различных конфессий. Другой её характерной чертой было непонимание и глубокое равнодушие ордынских резидентов к содержанию и сути религиозно-мировоззренческих вопросов. Последователи различных христианских церквей и конфессий казались монгольским властям, наподобие собственных языческих верований, адептами какого-то единого культа. Очень наглядно это иллюстрирует пример из письма монгольского наместника в Персии и Армении Эльджигидея. Обращаясь в 1248 г. к французскому королю Людовику IX он пишет: «в слове Божьем нет никакого различия между латинским, греческим, армянским, несторианским и яковитским исповеданиями и всеми другими, поклоняющимися кресту, ибо у нас они все едины. А посему просим мы, чтобы блистательный властелин не делал между ними различия, чтобы проявлял он сострадание ко всем христианам, и да будут длительными его сострадание и кротость» [31, с. 52]. Ордынские власти христианское население расценивали преимущественно как некий ресурс, обеспечивающий решение материальных задач, при том, что реальные религиозные нужды и потребности которого они самостоятельно удовлетворить не могли. Это и побуждало разрешать католическим миссионерам, а в других ситуациях иным христианским проповедникам, «управлять людьми христианского закона...».

С одной стороны, количество этих жителей в общей массе поданных сарайских ханов было довольно значительно, с другой, малочисленно, как и вообще обитающих в степях. Являясь более развитой в цивилизационном и культурном плане, эта часть населения, хоть и являлась объектом беспощадной эксплуатации, но в то же время была наряду с переселенцами из мусульманских территорий достаточной ценной. Отсюда такая характерная особенность внутренней и внешней политики золотоордынских правителей

как переселение племен и частей покоренных народов. Это, а также общая специфика жизни в степном государстве, предопределяло значительную мобильность населения, со временем сокращавшуюся в связи с переходом кочевников к оседлости и ростом городов. Вопросы эти малоизучены и ждут еще своего исследователя, но кое-что все же ясно и сейчас. Отмеченные процессы могли серьезно влиять на внутривосточную и социально-экономическую ситуацию в Золотой Орде. Ее изменение также могло стимулироваться миссионерской деятельностью посланников христианских церквей, что требовало соответствующего административного реагирования. Приведем несколько примеров подобной ситуации. Из синодального решения Константинопольского патриархата 1276 г. видно, что в предыдущие годы в округ Сарая с юга из других епархий прибыло много переселенцев, очевидно христиан. Это вызвало спор Сарайского епископа с руководителями соседних епархий, разрешенный вышеупомянутым актом в пользу русского иерарха [22, стб. 139]. Возможно, эта ситуация как-то связана с переселением армян в Поволжье вскоре после образования Золотой Орды. Информация об этом сохранилась в записках князя Армянского, Иосифа Долгорукого Аргутинского, архиепископа Армянских церквей в России, где сказано, что татары, завоевав Армению в 1262 году, перевели многих жителей на территорию бывших Астраханской и Казанской губерний; что некоторые из них ушли в Тавриду и поселились отчасти в Каффе, отчасти в Старом Крыму и близ Судака [9, т. 4, прим. 146]. Очевидно, что переселенцы в обширных владениях сарайских владык далеко не всегда попадали в сферу действия не только высших христианских иерархов, но даже просто официально организованных представителей церковного клира.

К первой четверти XIV в. государственно-административная система Золотой Орды вполне сложилась и имела достаточную практику функционирования. Ее представители уже имели опыт регулирования поликонфессиональных социальных отношений на своей территории. Например, действительность показывала, что уход строителей, мастеров, ремесленников различных специальностей и др. специалистов из числа христианского населения, в условиях развернувшегося в это время масштабного строительства городов и дворцов для ордынской знати, подтвержденного археологическими исследованиями [5, гл. 3, с. 75–141; 27, с. 232–235], грозил обернуться проблемами. Понимание серьезности последствий привело к появлению в пожаловании францискацам 1314 г. следующего предписания: «и дабы выходили к нам, чтобы донести о причинах прибытия [этих людей] издалека или из близи и сделать нам же письменный отчет». Эти уникальные данные еще предстоит специально изучить и осмыслить, но и в предварительном плане они могут быть оценены как признак деятельности административного аппарата Золотой Орды на началах одного из вариантов восточной деспотии.

Отразившаяся в ярлыке хана Узбека 1314 г. ситуация управления христианским населением, по всей вероятности, была в золотоордынских владениях достаточно распространенной. Подобная картина вырисовывается для первой пол. XIV в. в низовьях Дона, где существовал обширный христианско-православный анклав. На его территории имелись, по меньшей мере, три значительных православных храма, управлявшиеся «донскими священниками», и

по соседству еще армянская церковь. Сведения об этом сохранились в Синодальном решении Константинопольского патриархата 1356 г., разрешавшем затянувшийся конфликт среди православного духовенства, действовавшего на территории Золотой Орды. Нестандартность обстановки, отразившей исторические и социально-политические реалии существования церкви в кочевом государстве, заключалась в значительной автономии клириков, относившихся в церковной иерархии лишь к среднему уровню. Так называемые Донские священники, протопоп Михаил, пресвитер Николай и пресвитер Феодор, самостоятельно вели длительную тяжбу с митрополитом Аланийским, посягавшим, как они утверждали, на издревле принадлежащие и присвоенные им церковные права в отношении довольно многочисленной местной паствы. Примечательно, что в ходе разбирательств дела вышеупомянутые священники ездили в Сарай и Константинопль, где лично защищали свои интересы [26, с. 176–77].

Теперь перейдем к рассмотрению еще более значимого и принципиального вопроса об авторах предшествующих пожалований францисканским миссионерам, на которые опирался ярлык хана Узбека 1314 года. В рассматриваемом документе анализируемое положение сформулировано так: «привилегию, которую предоставил Кулук, наш родоначальник, как и его преемник, наш старший брат, император, мы также теперь даем в соответствии с теми же условиями». Автор опубликованных комментариев к нему, вероятно вслед за предшественниками, отождествил упомянутого монгольского правителя Кулука с Келек-ханом, т.е. ханом Мунке-Тимуром, поскольку в «Родословии тюрков» приводится это второе имя данного золотоордынского монарха. Ни анализа первоисточника информации, ни каких либо дополнительных соображений не приводилось. Другой предшественник пожалования 1314 г. *«наш старший брат, император»* был им отождествлен с золотоордынским ханом Токтой. При этом также никакой дополнительной аргументации не приводилось [21, с. 38]. Представляется, что такие выводы не являются вполне обоснованными и убедительными.

Для начала рассмотрим сведения из «Родословия тюрков»: «В достоверных историях записано, что когда период царствования Саин-хана в городе Сарайе, который называют также Сарайчик, пришел к концу, на его место сел Мунке-Тимур-хан, сын Тугана, сына Батуй-хана, который (Батуй) есть сын Джучи-хана, сына Чингиз-хана. Во время своего царствования он был прозван Келек-ханом. Келек-хан был царем справедливым, умным, великодушным; в период своего султанства он укрепил справедливостью и правосудием основу ханства и правила правления, так что в его правление все обиженные благодарили его природу, а обидчики жаловались. Хан пятый – Иису-Мунке, сын Тугана» [28, с. 205]. Историческое произведение, названное в рассматриваемых комментариях «Родословие тюрков», имело полное название «Книга родословия тюркского» и было написано Абуль-Гази не ранее середины XV века. Некоторые специалисты относят его возникновение еще к более позднему времени – по весьма вероятному мнению издателей второго тома сборника В.Г. Тизенгаузена: «“Шаджарат ал-атрак” в настоящем своем виде была составлена уже в начале XVI в., при Шейбанидах» [28, с. 202].

Время возникновения и тот факт, что среди источников значительное место занимали эпические памятники, делает сообщения, содержащиеся в дан-

ном историческом труде, не самыми авторитетными. Обратим внимание, что в вышеприведенном перечне ханов Золотой Орды после основателя этого государства Бату-хана, как известно носившего прозвище Саин-хан, сразу говорится о воцарении Мунке-Тимур-хана, что является серьезной хронологической и исторической ошибкой. Автор труда пропустил трех правивших до Мунке-Тимура ханов – Сартака, Улагчи и Берке. Особенно странно, учитывая определенную религиозную направленность произведения, что был пропущен хан Берке, в правление которого активно внедрялся ислам в качестве государственной религии. Кроме собственных умозаключений приведем и мнение авторитетного специалиста об этом произведении: «О происхождении рода монгольских племен и ханов подробно говорится и в сочинении Абуль-Гази «Книга родословия тюркского», где дан «Перечень тюркских и монгольских поколений» и отдельно рассмотрены «Монгольские поколения» после чего следует родословная Чингис-хана и его история. Однако в труде этого автора нет ни прямых, ни косвенных указаний на использование им монгольских источников. Поэтому у нас нет никаких оснований считать, что этот автор располагал монгольскими летописями и они находились в числе семнадцати исторических сочинений о Чингис-хане, из которых Абуль-Гази делал выписки» [20, с. 137].

Принимая во внимание выводы специалистов занимавшихся переводами и изучением монгольских актов [2; 18], несмотря на отсутствие у автора данных строк специальной лингвистической подготовки, выскажем сомнение в убедительности лексической и фонетической трансформации имен Келек в Кулук. Здесь, как думается, не все столь просто и однозначно! Во всяком случае, выдвинутая версия как минимум нуждается в дополнительном обосновании.

Есть и другой более убедительный исторический претендент на отождествление с правителем Кулуком, на которого ссылается ярлык 1314 г. Таковым, по всей вероятности, нужно признать одного из властителей династии Юань – Хайсана, сына Дармабалы и внука Чинкима (второго сына Хубилая). Являясь Великим кааном (императором) Монгольской империи в период с 1307 по 1311 год, он носил китайский титул – Ву-цун, а его монгольское имя было Кулук [3, с. 91; 13, с.179]. Под этим именем он известен не только на страницах исторических хроник, но и в официальной документации. Среди сохранившихся эдиктов и указов императоров, вырезанных на каменных плитах-стѐлах, и написанных квадратным письмом, есть принадлежащий Буянту-каану. Он унаследовал престол от своего брата Хайсан-Кулук хана, и правил с 1311 по 1320 гг. В его указе 1314 г., предоставляющем льготы последователям различных конфессий в Китае и на др. подвластных территориях, имеется ссылка на предшественников: «В указах Чингис хана, Угедей хагана, Сечен хагана, Улджейту хагана и Кулук хагана было сказано, чтобы буддийские, христианские и даосские духовные лица, не видя никаких повинностей и податей, молились тенгри и возносили благопожелания» [18, с. 65]. Должно быть, непосредственным предшественником правителя Буянту здесь указан «Кулук-хаган». Именно он и упоминается в ярлыке хана Узбека 1314 г. Если принять предлагаемую версию, то «преемником» и «императором» в ярлыке,

выданном золотоордынским властителем францисканцам, очевидно, обозначен Буянту-каан.

В отличие от упомянутых тарханских указов последователям различных конфессий в Китае акты каанов Куклука и Буянту, предоставляющие подобные права и др. льготы католическим миссионерам, не сохранились. Однако оценка ситуации с развитием успехов католической пропаганды при дворе Юаньских правителей в Китае приводит к выводу, что их существование очень и очень вероятно.

Еще в середине XIII в. западноевропейские государи, включая римского папу, неоднократно пытались установить связи с могущественной Монгольской империей в Азии. Великий каан Хубилай несколько раз обменивался письменными посланиями с папой. Положение христиан в период его правления было весьма благополучным. Отношение при дворе Хубилая к христианству и католицизму хорошо иллюстрируют слова двух онгютских принцев Конбогхи и Ифогхи, являвшимися зятьями Великого каана и приверженцами несторианства, к которым нанесли визит перед своим знаменитым путешествием раббан Саума и его друг Маркос, будущий патриарх мар Ябаллаха. Принцы встретили гостей наилучшим образом, однако пытались все же отговорить их от своих намерений: «Для чего вы покидаете нашу сторону и отправляетесь на запад? Ведь мы стремимся привлечь с запада монахов и отцов в эту сторону, как же мы допустим, чтобы вы ушли?» [15, с. 684]. В последующем посольство, направленное кааном Хубилаем к папе, не достигло места назначения из-за болезни посла во время путешествия. Все же монгольские послы из Персии еще в 1287–1288 гг. появлялись при дворе папы в Риме.

В 1289 г. глава католической церкви, узнав о существовании многочисленных христианских общин среди жителей Монгольской империи, отправил на Дальний Восток францисканца Джованни Монтекорвино с посланиями к персидскому хану Аргуну и Великому каану Хубилаю. Приблизительно в 1295 г. самый известный латинский миссионер достиг Пекина, где встретил радушный прием и получил позволение проповедовать христианство. Вскоре Великий каан умер, но преемники Хубилая Тимур, Кулук, Буянту и др. в своей внутренней политике, равно как и в отношении к Западу, следовали традициям своего именитого предка. Одорико ди Порденоне писал по этому поводу: «Один из наших братьев епископов служит при дворе императора. Он дает благословение императору, когда император садится верхом на лошадь, и тот с набожностью прикасается губами к кресту» [цит. по 7, с. 65]. Как известно, деятельность Джованни Монтекорвино, которому было разрешено организовать диоцез католической церкви в столице империи, была весьма успешной. К 1305 г. под его влиянием в Пекине около 6000 человек крестились по римско-католическому обряду. Для умножающейся паствы был начат перевод псалтыря на один из местных языков. Удалось также основать семинарию, рассчитанную на 150 юношей, где обучали латинскому и греческому языкам, а также григорианскому песнопению, которое очень нравилось Великому каану Тимуру. Вблизи его дворца на средства итальянских купцов была построена католическая церковь с колокольной, и в ней повешены три колокола [31, с. 139]. Через два года папа Климент V возвел Джованни Монтекорвино в сан архиепископа Китая и послал к нему в качестве викариев семь францисканских монахов, из которых до Пекина добрались только

три [7, с. 66; 12, с. 113–114]. По версии Рихарда Хеннинга в 1310 г. папскому легату удалось склонить к крещению даже самого Великого каана Ву-цуна (Хайсан-Кулука) [31, с. 154]. Однако это не имело значительных последствий, т.к. единственный император-христианин, когда-либо правивший в Китае, умер спустя несколько месяцев.

В дальнейшем Жерар, один из трех викарных епископов, стал епископом города Зайтона (Цюаньчжоу), где имелась построенная богатой армянкой церковь. После его смерти епископство Зайтона перешло к Перегрину из Каstellо, а после его кончины к Андрею из Перуджи. В письме Андрея сановникам монастыря в Перудже, отправленного из Зайтона в январе 1326 года, особо отмечается благосклонность, которой пользовались миссионеры при дворе монгольского правителя. Из письма следует, что Великий каан, тогда им был Йэсун Темюр, назначил ему вспомоществование в размере ста золотых флоринов в год. Примечательна и его характеристика общей этно-конфессиональной ситуации: «А в этой громадной империи воистину есть люди любой нации, какие только существуют на земле, и люди любой секты. И каждому дозволено свободно исповедовать свою веру, ибо держится тут мнение, или, лучше сказать, заблуждение, будто каждый найдет спасение в своей религии. А посему и мы можем проповедовать свободно и без опаски. Никого из иудеев и сарацин не удалось нам обратить, но из язычников очень многие были крещены. Правда, немногие из крещеных идут по правильному христианскому пути...» [31, с. 146]. Тем не менее, Андрей добавляет, что им был построен около Зайтона монастырь на двадцать два верующих и что он занимался богоугодным делом, как в церкви, так и в горном ските.

Обратим внимание, что католический миссионер и епископ определенно отмечает возможность «проповедовать свободно и без опаски». Едва ли это могло происходить без соответствующего документального оформленного разрешения монгольских властей, получить которое влиятельным латинским иерархам не представляло сложностей. Известный дореволюционный исследователь латинского проповедничества Н. Красносельцев не сомневался именно в таком положении дел: «Миссионеры пользовались при дворе великим уважением; в торжественные дни они являлись с поздравлением к императору в числе первых сановников двора. Они ограждены были законом от притеснений со стороны язычников; им позволено было путешествовать с проповедью евангельскою по всем провинциям, созидать церкви, строить училища, в чем помогали им, по воле государя, местные начальники, а из подражания им и частныя лица» [12, с. 116]. Данный документ, представлявший большую ценность для католических миссионеров, достаточно легко мог попасть в канцелярию Золотой Орды непосредственно от самих меньших братьев, или же по политико-административным каналам Монгольской империи. О том, что второй вариант исключить нельзя свидетельствует развитие в первой четверти XIV в. общеимперской политической ситуации.

Хорошо известно, что после смерти Великого каана Мункэ начался распад единой Монгольской империи. Внешним проявлением событий была длительная междоусобная борьба двух ветвей «золотого рода Чингизидов» – представителей рода Тулуя с одной стороны, и потомков родов Угэдэя и Чагатая с другой. Победитель, хан Хубилай, утвердившись на имперском престоле, пе-

ренес столицу из Каракорума в Пекин (Ханбалык), что запустило механизм политической децентрализации степной государственности. Однако в начале XIV в. произошли события, приостановившие этот глобальный процесс. В период правления сына и преемника Хубилая Великого каана Тимура возник план восстановить единство Монгольской империи в форме своеобразной федерации. Одним из первых обратил на это внимание В.В. Бартольд: «Главы отдельных государств должны были обязаться жить в мире друг с другом, под номинальным главенством каана; торговля на всем пространстве империи должна была быть совершенно свободной» [1, с. 72–73]. Предложенный Великому каану план был вполне одобрен в августе 1304 г., затем его поддержали представители Чагатаидов, владевшие Средней Азией, потомки Хулагуидов в Персии и золотоордынские Джучиды [28, с. 82]. О содержании и участниках соглашения дает представление письмо **монгольского правителя Персии ильхана Олджайту к французскому королю Филиппу IV Красивому**: «Старшие и младшие братья, Мы все стали жертвой несправедливости, оклеветанные дурными людьми. Теперь Мы, а также Темур-каган, Тохога, Чабар, Тога и другие потомки Чингисхана, озаренные свыше, положили с помощью Неба конец взаимным обвинениям, длившимся 45 лет, объединили наши государства от восхода солнца до моря Галу и слили наши почтовые службы. Мы связали себя обещанием, что если кто-нибудь из нас подумает иначе, то все Мы сообща будем защищаться против него» [31, с. 162]. Хотя договор был заключен, но поскольку глубинные причины противоречий не были устранены, вскоре в Средней Азии вновь начались междоусобные столкновения, показавшие его формальность и нереалистичность. По этой причине В.В. Бартольд не углублялся в анализ последствий данного события, что стало характерным для отечественной историографии.

В трудах российских и советских историков в развитии Монгольской империи, а затем и Золотой Орды выделяются преимущественно процессы суверенизации, и мало уделяется внимания политическим традициям, направленным на сохранение единства государства. Последнее более внимательно изучалось зарубежными историками. Например, Г.В. Вернадский по-иному оценил рассматриваемый договор: «Успех политики Тимура был, конечно, впечатляющим, и Монгольская империя, можно сказать, достигла апогея своего могущества в период его правления. Все это привело к восстановлению единства империи в новой форме панмонгольской федерации, во главе с великим ханом Пекина». Возможно, такое суждение и выглядит слишком категорично, но оно отражает реальные исторические процессы. Думается, что констатируемое в советской историографии отделение Золотой Орды в XIV в. от метрополии несколько преувеличено. Важность и значимость происшедшего в начале XIV в. на основе косвенных летописных сообщений сумел уловить еще А.Н. Насонов, обративший внимание на съезд в 1304 г. русских князей в Переяславле Суздальском. Здесь, в присутствии ордынских послов и митрополита, слушали волю монгольских властителей: «чли грамоты царевы, ярлыки» [14, с. 79].

Рассматриваемые события актуализировали в монгольских улусах сохранение панмонгольских политических устоев, являвшихся основой государственного единства империи. Суверенизация территорий ни в социально-политической, ни в экономической сферах остановлена не была, однако фор-

мировавшиеся здесь новые реалии совмещались с положениями имперского договора 1304 г. и традициями. Такое состояние дел привело к тому, что политико-дипломатические взаимоотношения между Великими каанами из Юаньской династии и правителями Золотой Орды сохранялись и развивались до середины XIV в., т.е. до момента прекращения правления Юаньской династии в Китае. Даже большие географические расстояния, и длительные братоубийственные войны, которые велись между разными домами Чингизидов, не смогли прервать эти отношения.

Каков же был их характер? Ответы дают некоторые восточные, но в решающей степени китайские источники. Изучавшие их историки констатируют: «императоры Юаньской династии, Великие ханы центральной Монгольской империи всегда считали правителей Улуса Джучи своими наместниками (вассалами). Известно, например, что в Пекине правителей Улуса Джучи всегда называли «Си-бэ-чжу-Вань» («северо-западные царевичи»). Поэтому на территории Китая они имели свои хуби, то есть уделы» [32, с. 190]. В китайских источниках есть сведения о назначении императором Аюрбарваде (китайское имя Жэнь-Джон), т.е. очевидно Буянту, после смерти Токты в 1314 г. Узбека ханом в Сарае. Однако оценка данного факта делается вполне реалистично: «На самом деле правители Улуса Джучи были наместниками (местными феодалами) императора лишь формально, фактически они были политически независимы от них. Утверждение же хана на престол Золотой Орды было формальным продолжением прежней традиции» [32, с. 191]. Согласно с вышеприведенными сведениями информация содержат и восточные источники. Автор «Продолжения Сборника летописей» под 1315 г. сообщает об отправлении ханом Узбеком: «послов к каану с предложением дружбы, единогласия, покорности и повиновения» [28, с. 142]. В работе Г.А. Федорова-Давыдова кратко также формулируется вывод о вассальной зависимости хана Узбека и приводится информация об еще одном посольстве к каану в 1336 г., свидетельствующем о зависимости от него [30, с. 80].

Еще больше внимания этому вопросу уделил Г.В. Вернадский. В его книге приводятся свидетельства того времени, подтверждающие, что единство империи существовало не только на бумаге. «Меморандум о империи Юань, подготовленный около 1330 г. архиепископом Салтании для римского папы Иоанна XXII под названием «Книга владений великого хана», начинается со следующего заявления: «Великий Каан Катая (Китай) – один из самых могущественных царей мира, и все крупные властители этой страны являются его вассалами и воздают ему почести; и, в особенности, три великих императора, а именно: император Армалек (Альмалик), император Буссай (Абу-Саид) и император Узбек (Узбег). Эти три императора посылают год за годом живых леопардов, верблюдов, кречетов и, кроме того, огромное количество драгоценностей своему господину Каану. Этим они признают его своим суверенным повелителем» [3, с. 94].

Признание вассальной зависимости хана Узбека от Великого каана (императора), пусть в значительной мере и формальное, крайне важно для правильного понимания содержания анализируемого ярлыка 1314 г. И в совре-

менном государстве подобные документы имеют не только формальное политико-правовое значение, но и символическое, неразрывно связанное с суверенно-публичными началами государственной власти. Такой же смысл имеет и информация, помещаемая на денежных знаках и иных атрибутах державного правления. Иерархия этих актов основывается на иерархии государственных органов и должностных лиц, их издающих. В средневековье все сказанное также имело место, но в самобытной форме, определяемой еще недостаточным развитием государственных структур и спецификой социальных отношений в традиционном обществе.

Это своеобразие социально-политического развития монголов в свое время изучил В.Я. Владимирцов, убедительно описавший применение привычных родовых форм и институтов к формализации публично-правовых и государственно-административных основ империи, созданной Чингиз-ханом и его потомками. «Выделение уделов основывалось на том принципе, что “государство” (ulus irgen) является достоянием всего рода того лица, которое создало державу и стало ханом. Так же, как род или его ответвление владеет определенной территорией, на которой совместно кочуют его члены-урих'и, и владеет людьми, которые являются его потомственными крепостными вассалами (unagan bogol), совершенно так же род является владельцем народа-государства (ulus), проживающего на определенной территории (nuntux – nutug). Происходит, следовательно, перенесение понятий о родовой собственности на более широкую область, на область народа-государства. ... Monggol ulus приобретает значение “народ-государство рода монгол”. Власть рода Чингис-хана над его улусом, т.е. народом-государством, выражается в том, что один из родичей, altan urug (urux)'а становится императором, ханом (хан, хаган), повелевающим всей империей избираемым на совете всех родовичей (xuriltai – хурультай); другие же члены рода, главным образом, мужские его отпрыски, признаются царевичами (kobe'iin – kobegiin, слово, значащее собственно “сын”), имеющими право на то, чтобы получить в наследственное пользование удел-улус» [4, с. 98–99]. «Все царевичи, владельцы уделов, являлись вассалами монгольского императора и правили хаган-и су-дур, т.е. «счастьем-величием императора». Во главе каждого удела-улуса, в том числе и «великого улуса», должен был стоять один царевич, так же, как во главе империи один император» [4, с. 100]. «Хотя монгольский император является совершенно неограниченным монархом, тем не менее он «выбирается» на родовом съезде-курултае и, по завету Чингиса, не должен единовластно наказывать провинившегося в чем-либо члена «золотого рода». Родовые взгляды, принцип совместного владения империей всеми членами рода Иесугей-багатура и Чингис-хана, выявляется в этих установлениях. Но в жизни принципы эти проводились недолго, царевичи начали вести междуусобные войны, производить заговоры и убийства своих сородичей: «золотой род» разложился быстро» [4, с. 101]. Хотя фактические родовые отношения стремительно разлагались под воздействием более прогрессивных социально-экономических явлений, они зачастую давали этим новациям своё наименование. Для предмета нашего исследования интересен вариант обозначения у монголов политического и административного верховенства. Во главе родов

или структур, сохранявших родовую оболочку, стояли главари, носившие различные монгольские наименования, заменявшиеся позже китайскими терминами [4, с. 138–139]. Среди них встречается термин «родоначальники», как свидетельствуют труды А.М. Позднеева и Д.Д. Покотилова, так именовавшими вслед за китайскими авторами предводителей откоков в послеюаньский период [16, с. 99; 17, с. 37, 84].

Приведенные теоретические положения подтверждаются данными из источников и исследований. Интересен сюжет конфликта, предшествующий вторжению армии Чингиз-хана в Среднюю Азию, описанный у В.В. Бартольда: «Тут произошло с самого начала столкновение, потому что послы, после того как выразили хорезмшаху от имени Чингиз-хана чувство дружбы и просьбу, чтобы торговля происходила свободно между обеими империями, чтобы купцы могли безопасно ездить из одной из них в другую, сказали, что Чингиз-хан смотрит на султана, как на своего возлюбленного сына. Это оскорбило хорезмшаха, потому что такое выражение считается символом вассальных отношений. По обычаям между государями, если они признают друг друга равными себе, то обращаются, называясь братьями, а если один зовет другого сыном, то этим самым он признает его ниже себя, как бы своим вассалом» [1, с. 698]. Подобным же образом обращается в уже упоминаемом письме монгольский наместник в Персии и Армении Ильчигадай к французскому королю Людовику IX [31, с. 52].

Обратим внимание и на фиксацию государственно-политической преемственности в письме **ильхана Олджайту к французскому королю Филиппу IV Красивому**: «Мы никоим образом не хотим изменять или отменять предписания и распоряжения наших предшественников – нашего высокого деда, нашего высокого отца и наших высоких старших братьев относительно того, что было договорено с прежними наместниками наилучше организованных провинций, но хотим их подтвердить и, как раньше, оставаться в дружественных отношениях, обмениваясь посольствами». Обращение к правителям, которых автор призывает к установлению добрососедских отношений, выглядит так: «Старшие и младшие братья». Понятно, что старшими в данном случае ему представляются властители монгольских улусов, а младшими европейские короли.

Использование родовой терминологии казахскими ханами, являвшихся преемниками монгольских властителей, в переговорах и др. дипломатических контактах с Шейбанидами фиксируется и в XVI–XVII вв. «Как отмечалось в источниках, правители часто называли друг друга «брат», т.е. находились в равноправных отношениях. Эта формула свидетельствует о почтительном отношении одного правителя к другому. В документах не раз употребляется слово «друг», которое также характеризует отношения между государствами соответствующим образом. Итак, «брат» и «брат», «отец» и «сын» – эти слова отражали различные оттенки отношений между государствами-партнерами» [8, с. 7].

В итоге констатируем, что в ярлыке хана Узбека 1314 г., оформившим пожалование францисканцам в Золотой Орде, термин «родоначальник» отно-

сится к умершему Великому каану (императору) Кулуку, как главе рода Чингизидов во всей Монгольской империи, создавшему соответствующий прецедент, а выражение «его преемник, наш старший брат, император» обозначает Великого каана Буянту, являвшегося во время выдачи ярлыка сюзереном для золотоордынского властителя. Использованные понятия в первой четверти XIV в. уже очерчивали не только кровно-родственные связи, а более широкий спектр государственных и социально-политических отношений. Культурная и интеллектуальная база кочевников-завоевателей оказалась недостаточной, чтобы выработать адекватную терминологию для обозначения процессов функционирования огромного государственного аппарата. Как известно эти недостатки активно компенсировались заимствованием письменного и культурного опыта покоренных народов, находившихся на более высоком уровне цивилизационного развития. Но стремление монгольской верхушки охранить обособленность и господствующее положение вели к резервированию традиционно-консервативных основ в политической сфере. Эти тенденции отразились в официальных государственных актах, примером которых является ярлык хана Узбека 1314 г. Традиции государственного делопроизводства при дворах золотоордынских правителей изначально основывались на китайских практике и опыте [2, с. 13; 18, с. 12–16]. В совокупности все это предопределило формальную фиксацию в рассматриваемом документе при помощи архаично-родовой терминологии политических форм и отношений первой четверти XIV в., в том числе вассальной зависимости ханов Золотой Орды от монгольских Великих каанов.

Подводя итог всему изложенному отметим, что ярлык францисканцам хана Узбека 1314 г. появился как результат развития предшествующих успехов католической миссионерской деятельности в Китае и в восточных областях Монгольской империи. Эти достижения были плодом энергичных усилий Джованни Монтекорвино и его соратников. Продолженные новыми поколениями латинских проповедников традиции первооткрывателей Китая также дали свои результаты и в Поволжско-Причерноморских степях. Новый ярлык был выдан непосредственно францисканским миссионером, действовавшим во владениях Золотой Орды, но не епископу г. Каффы. В соответствии с монгольскими общеимперскими политическими традициями в документе имелось указание на пожалования предшествующих сюзеренных правителей, являвшимися прецедентом для золотоордынского хана, выдавшего ярлык в 1314 году. Таковыми были решения Великого каана (императора) Кулука, который, по-видимому, первым выдал тарханный акт католическим миссионерам, и его преемника на императорском престоле Великого каана Буянту. Последний, по всей вероятности, подтвердил предоставленные старшим братом привилегии католикам в период с 1311 по 1314 год. Дошедший до нас перевод ярлыка хана Узбека 1314 г. является ценнейшим историческим источником, изучение которого, несомненно, будет продолжено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. II. Часть I. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 1024 с.
2. *Боровков А.К.* Опыт филологического анализа тарханских ярлыков, выданных ханами Золотой Орды русским митрополитам // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1966. Т. XXV. Вып. 1. С. 13–24.
3. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь: «ЛЕАН»; М., «АГРАФ», 1997. 480 с.
4. *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд. АН СССР, 1934. 224 с.
5. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
6. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. 1938. № 3. С. 72–129.
7. История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. II. Груссе Р. Империя степей. Аттила, Чингисхан, Тамерлан. Пер. с франц. Х.К. Хамраева. / Сост. Б.М. Сужиков. Алматы: «Санат», 2005. 336 с.
8. История Казахстана в персидских источниках. Т. V. Извлечения из сочинений XIII–XIX веков / Отв. ред. М. Х. Абусейтова; сост. М. Х. Абусейтова. Алматы: «Дайк-Пресс», 2007. 476 с.
9. *Карамзин Н.М.* История государства Российского: репринт. / Кн. 1. Т. 1–4. М., 1988. 162 с.
10. *Ковалевский М.* Юридический быт Генуэзских колоний на Черном море во второй половине XV в. // Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-Буданову / Под ред. М.Н. Ясинского. Киев, 1904. С. 195–228.
11. *Котляревский С.А.* Францисканский орден и Римская курия в XIII–XVI веках. М., 1901. 389 с.
12. *Красносельцев Н.* Западные миссии против татар-язычников и особенно против татар-мухамедан. Казань, 1872. 243 с.
13. *Лэн-Пуль Стэнли.* Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. СПб., 1899. 344 с.
14. *Насонов А.Н.* Монголы и Русь: (история татарской политики на Руси). М.; Л.: Изд. АН СССР, 1940. 178 с.
15. *Пигулевская Н.В.* История мар Ябалахи III и Раббан Саумы // Сирийская средневековая историография. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. 761 с.
16. *Позднеев А.* Монгольская летопись – «Эрдэнийн Эрихэ», подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающий в себе Материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1883. 477 с.
17. *Покотилов Д.Д.* История Восточных Монголов в период династии Мин 1368–1634, по китайским источникам. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1893. 242 с.
18. *Попте Н.Н.* Квадратная письменность. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1941. 166 с.
19. Путешествия в Восточные страны Платона Карпини и Рубрика. М.: Гос. изд. Географической литературы, 1957. 270 с.
20. *Пучковский Л.С.* Монгольская феодальная историография XIII–XVII вв. // Ученые записки института Востоковедения. Т. VI. 1953. М.; Л.: Изд. АН СССР. С. 131–166.

21. *Роман Хаутала*. Ярлык хана Узбека францисканцам Золотой Орды 1314 года: латинский текст, русский перевод и комментарии // Золотоордынское обозрение. 2014. №3(5). С. 31–48.
22. Русская историческая библиотека. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. СПб., 1908.
23. *Самойлович А.Н.* Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга // Известия Российской Академии наук. Серия VI. 1918. Т. 12. Вып. 11. С. 1109–1124.
24. *Свет Я.М.* После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий. М.: Наука, 1968. 246 с.
25. *Смирнов С.И.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины: [Тексты и заметки] / С. Смирнов. М., 1912. 568 с.
26. *Сочнев Ю.В.* Сведения актов Константинопольского патриархата о христианском (православном) населении на Дону в сер. XIV в. // Золотоордынское наследие. Материалы второй международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 175–180.
27. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. 304 с.
28. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1941. 310 с.
29. Устав для генуэзских колоний в Черном море изданный в Генуе в 1449 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. 1863. Т. 5. Одесса. С. 629–837.
30. *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой орды. М.: Изд. МГУ, 1973. 181 с.
31. *Хеннинг Р.* Неведомые земли. Т. 3. М.: Изд. Иностранной литературы, 1962. 470 с.
32. *Чао Чу-чанг*. К вопросу о взаимоотношениях юаньских и золотоордынских правителей (по данным китайских источников) // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001. С. 188–192.
33. *Golubovich G.* Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente Francese. 5 Vols. Quaracchi, Firenze, Collegio di S. Bonaventura, 1906–1927.

Сведения об авторе: Юрий Вячеславович Сочнев – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород (603155, ул. Большая Печерская, 25/12, Нижний Новгород, Российская Федерация). E-mail: sochnevjobmail@yandex.ru

Поступила 30.08.2018 Принята к публикации 06.11.2018
Опубликована 29.12.2018

REFERENCES

1. Bartol'd V.V. *Sochineniya. Obshchie raboty po istorii Sredney Azii. Raboty po istorii Kavkaza i Vostochnoy Evropy*. Vol. 2, part 1 [Writings T. II. Part I. General Works on the History of Central Asia. Works on the History of the Caucasus and Eastern Europe]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ, 1963. 1024 p. (In Russian)
2. Borovkov A.K. Opyt filologicheskogo analiza tarkhannykh yarlykov, vydannykh khanami Zolotoy Ordy russkim mitropolitam [The experience of philological analysis of the tarkhan yarliks granted by the khans of the Golden Horde to Russian metropolitans]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences]. Seriya literaturny i yazyka. 1966. V. XXV. Is. 1, pp. 13–24. (In Russian)
3. Vernadskiy G.V. *Mongoly i Rus'* [The Mongols and Rus']. Tver, LEAN, Moscow, AGRAF Publ., 1997. 480 p. (In Russian)
4. Vladimirtsov B.Ya. *Obshchestvennyy stroi mongolov. Mongol'skiy kochevoy feodalizm* [The Social Order of the Mongols. Mongolian Nomadic Feudalism]. Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ, 1934. 224 p. (In Russian)
5. Egorov V.L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv.* [Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th centuries] Moscow, Nauka Publ., 1985. 245 p. (In Russian)
6. Zevakin E.S., Penchko N.A. Ocherki po istorii genuezskikh koloniy na Zapadnom Kavkaze v XIII i XV vv. [Essays on the history of the Genoese colonies in the Western Caucasus in the 13th and 15th centuries]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes]. 1938, no. 3, pp. 72–129. (In Russian)
7. *Istoriya Kazakhstana v zapadnykh istochnikakh XII–XX vv.* Vol. II. Grousset R. *Imperiya stepey. Attila, Chingiskhan, Tamerlan* [History of Kazakhstan in the Western Sources of the 12th–20th century. Vol. II. Grousset R. Empires of the Steppes. Attila, Chinggis Khan, Tamerlane]. Per. s frants. Kh.K. Khamraeva. Sost. B.M. Suzhikov. Almaty, Sanat, 2005. 336 p. (In Russian)
8. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh.* Vol. V. *Izvlecheniya iz sochineniy XIII–XIX vekov* [History of Kazakhstan in Persian Sources. Vol. V. Extracts from the Writings of the 13th–19th century] Otv. red. M.X. Abuseitova; sost. M.X. Abuseitova. Almaty, Dayk-Press, 2007. 476 p. (In Russian)
9. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: reprint* [History of the Russian State: Reprint]. Book. 1. Vol. 1–4. Moscow, 1988. 162 p. (In Russian)
10. Kovalevskiy M. Yuridicheskiy byt Genuezskikh koloniy na Chernom more vo vtoroy polovine XV v. [Legal life of the Genoese colonies on the Black Sea in the second half of the 15th century]. *Sbornik statey po istorii prava, posvyashchenny M.F. Vladimirskomu-Budanovu* [Collection of Articles on the History of Law Dedicated to M.F. Vladimirov-Budanov]. Pod red. M.N. Yasinskogo. Kyiv, 1904, pp. 195–228. (In Russian)
11. Kotlyarevskiy S.A. *Frantsiskanskiy orden i Rimskaya kuriya v XIII–XVI vekakh* [The Franciscan Order and the Roman Curia in the 13th–16th century]. Moscow, 1901. 389 p. (In Russian)
12. Krasnosel'tsev N. *Zapadnye missii protiv tatar-yazychnikov i osobenno protiv tatar-mukhamedan* [Western Missions against the Pagan Tatars and Especially against the Mahometan Tatars]. Kazan, 1872. 243 p. (In Russian)
13. Lane-Poole S. *Musul'manskiiye dinastii. Khronologicheskie i genealogicheskie tablitsy s istoricheskimi vvedeniyami* [The Mohammedan Dynasties. Chronological and Genealogical Tables with Historical Introductions]. St. Petersburg, 1899. 344 p. (In Russian)

14. Nasonov A.N. *Mongoly i Rus': (istoriya tatarskoy politiki na Rusi)* [The Mongols and Rus': The History of Tatar Politics in Rus']. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1940. 178 p. (In Russian)

15. Pigulevskaya N.V. *Istoriya map Yabalakhi III i Rabban Saumy* [History of Mar Yahballaha III and Rabban Sauma]. *Siriyskaya srednevekovaya istoriografiya* [Syriac Medieval Historiography]. St. Petersburg, "Dmitriy Bulanin", 2000. 761 p. (In Russian)

16. Pozdneev A. *Mongol'skaya Letopis' – «Erdeniyn Erikhe», podlinnyy tekst s perevodom i poyasneniyami, zaklyuchayushchiy v sebe Materialy dlya istorii Khalkhi s 1636 po 1736 g.* [The Mongol Chronicle – "Erdeniyn Erihe": The Original Text with Translation and Explanations Containing Materials for the History of Khalkha from 1636 to 1736] St. Petersburg, Tip. Imperatorskoy Akademii Nauk, 1883. 477 p. (In Russian)

17. Pokotilov D.D. *Istoriya Vostochnykh Mongolov v period dinastii Min 1368–1634, po kitayskim istochnikam* [The History of the Eastern Mongols during the Ming Dynasty 1368–1634, According to Chinese Sources]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoy Akademii Nauk, 1893. 242 p. (In Russian)

18. Poppe N.N. *Kvadratnaya pis'mennost'* [Square Writing]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1941. 166 p. (In Russian)

19. *Puteshestviya v Vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels to the Eastern Countries of John of Plano Carpini and William of Rubruck]. Moscow, Gos. izd. Geograficheskoy literatury, 1957. 270 p. (In Russian)

20. Puchkovskiy L.S. *Mongol'skaya feodal'naya istoriografiya XIII–XVII vv.* [Mongolian Feudal Historiography of the 13th–17th century] *Uchenye zapiski instituta Vostokovedeniya* [Research Notes of the Institute of Oriental Studies]. Vol. VI. 1953. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., pp. 131–166. (In Russian)

21. Roman Hautala. *Yarlyk khana Uzbeka frantsiskantsam Zolotoy Ordy 1314 goda: latinskiy tekst, russkiy perevod i kommentarii* [Yarlyk of Uzbek Khan Granted to the Franciscans of the Golden Horde in 1314: The Latin Text, Russian Translation, and Commentary]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014, no. 3(5), pp. 31–48. (In Russian)

22. *Russkaya istoricheskaya biblioteka*. Vol. 6. *Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava* [Russian Historical Library. Vol. 6. Monuments of Old Russian Canon Law]. Part 1. St. Petersburg, 1908. (In Russian)

23. Samoylovich A.H. *Neskol'ko popravok k yarlyku Timur-Kutluga* [Several amendments to the Timur-Qutlugh's yarlik]. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences]. Seriya VI. 1918. Vol. 12, Is. 11, pp. 1109–1124. (In Russian)

24. Svet Ya.M. *Posle Marko Polo. Puteshestviya zapadnykh chuzhezemtsev v strany trekh Indiy* [After Marco Polo. Journeys of Western Foreigners to the Countries of the Three Indies]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 246 p. (In Russian)

25. Smirnov S.I. *Materialy dlya istorii drevnerusskoy pokayannoy distsipliny: [Teksty i zametki]* [Materials for the History of the Old Russian Penitential Discipline: Texts and Notes]. Moscow, 1912. 568 p. (In Russian)

26. Sochnev Yu.V. *Svedeniya aktov Konstantinopol'skogo patriarkhata o khristianskom (pravoslavnom) naselenii na Donu v ser. XIV v.* [Information containing in the acts of the Patriarchate of Constantinople about the Christian (Orthodox) population in the Don in the middle of the 14th century]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy vtoroy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy», posvyashchennoy pamyati M.A. Usmanova Kazan', 29–30 marta 2011 g.* [Golden Horde Legacy. Proceedings of the Second International Research Conference "The Political and Socio-economic History of the Golden Horde", Dedicated to the

Memory of M.A. Usmanov; Kazan, March 29–30, 2011]. Kazan, ООО “Foliant”, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2011, pp. 175–180. (In Russian)

27. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 304 p. (In Russian)

28. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy*. Vol. II. *Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannye V.G. Tizengauzenom i obrabotannye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. II. Extracts from Persian Writings Collected by V.G. Tiesenhauzen and Processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1941. 310 p. (In Russian)

29. *Ustav dlya genuezskikh koloniy v Chernom more izdannyy v Genue v 1449 g.* [Statutes for the Genoese Colonies in the Black Sea, Issued in Genoa in 1449]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Odessa, 1863. Vol. 5, pp. 629–837. (In Russian)

30. Fedorov-Davydov G.A. *Obshchestvennyy stroy Zolotoy ordy* [The Social Order of the Golden Horde]. Moscow, Moscow State University Publ., 1973. 181 p. (In Russian)

31. Henning R. *Nevedomye zemli* [Terrae Incognitae]. Vol. 3. Moscow, Izd. Inostrannoy literatury, 1962. 470 p. (In Russian)

32. Chao Chu-chang. *K voprosu o vzaimootnosheniyakh yuan'skikh i zolotoordynskikh praviteley (po dannym kitayskikh istochnikov)* [To the question of the relations between the Yuan and the Golden Horde rulers (according to Chinese sources)]. *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordy). Ot Kalki do Astrakhani. 1223–1556* [Source Study of the History of the Jochid Ulus (Golden Horde). From the Kalka to Astrakhan. 1223–1556]. Kazan, 2001, pp. 188–192. (In Russian)

33. Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente Francese*. 5 Vols. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1906–1927.

About the author: Yury V. Sochnev – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State, National Research University Higher School of Economics in Nizhny Novgorod (25/12, Bolshaya Pecherskaya Str., Nizhny Novgorod 603155, Russian Federation). E-mail: sochnevjobmail@yandex.ru

*Received August 30, 2018 Accepted for publication November 6, 2018
Published December 29, 2018*